

В.Т.Нарежный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова

Изд. Петрозаводск: Карелия, 1983.
OCR: 486dx2

Homo sum, humani nil
a me alienum puto. *

Terent

* "Я человек, ничто человеческое
мне не чуждо" – слова взяты из
комедии римского драматурга
Публия Теренция (195-159 до н.э.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Превосходное творение Лесажа, известное под названием "Похождения Жилблаза де Сантиланы" [2], принесло и продолжает приносить сколько удовольствия и пользы читающим, столько чести и удивления дарованиям издателя.

[2] Роман французского писателя Лесажа Алена Рене (1668-1747); издан в 1735 году в Париже; на русский переведен Б. Тепловым и издан в 1754 в Петербурге.

Франция и Немечия имеют также своих героев, коих похождения известны под названиями: "Французский Жилблаз", "Немецкий Жилблаз" [3]. А потому-то решился и я, следуя примеру, сие новое произведение мое выдать под столько известным именем и тем облегчить труд тех, кои стали бы изыскивать, с кем сравнивать меня в сем сочинении.

[3] Имеются ввиду романы, переведенные на русский язык в конце XVIII века под названием: "Новый Жилблаз, или Приключения Генриха Лансона, сочиненный г. мером в Нанси". М., 1794, 4 части, пер с фр. Ф. Печорина, и "Немецкий Жилблаз, или Приключения Петра Клаудия", М. 1795, пер. с нем. Н. Ильина.

Правила, которые сохранить предназначил я, суть вероятность, приличие, сходство описаний с природою, изображение нравов в различных состояниях и отношениях; цель всего точно та же, какую предначертал себе и Лесаж: соединить с приятным полезное. Но как сии два слова "приятность, польза" почти каждым понимаемы по-своему, и мы беспрестанно видим, – если только подлинно смотрим, а не спим с открытыми глазами, – что одну и ту же вещь, одно и то же чувство, движение, желание, отвращение один называет полезными, другой – гибельными, один – приятными, другой – отвратительными, то, не стараясь избегать общей участи всего подлунного, я спокойно предаю себя свободному суждению каждого, не заботясь много, то ли точно почтет он приятным и полезным, что мне таковым казалось; да и заботиться о том по всем отношениям было бы и бесполезно и неприятно.

Да не прогневаются на меня исступленные любители метафизики, славенского языка и всего, что есть немецкого, что я не всегда с должною почтительностью об них отзывался. Это отнюдь не значит, чтобы считал я метафизику наукою вздорною, славенский язык – варварским и все то, что выдуманно немецкою головою, глупою выдумкою. Сохрани от того, боже! Но мне всегда казалось, что перейти должны пределы, в чем бы то ни было, есть крайнее неразумие. Метафизика, без сомнения, есть наука высокая и утончает разум человека, однакож не до такой степени, чтобы мог он определить, чем занималось высочайшее существо до создания мира и чем заниматься будет по разрушении оного. А есть такие храбрые ученые, которые на то пускались. – Славенский язык бесспорно высок, точен, обилен; однакож тот из нас, который, стоя пред красавицею, будет нежить слух ее названиями: лепообразная дева! голубице, краснейшая рая, – едва ли не должен быть почтен за сумасброда; а такие витязи и до сих пор у нас находятся, и не без последователей! Что касается до немчизны, под которым названием, следуя выражению наших прадедов, разумею я всякую чужеземщину, то весьма недовольным почту себя, если кто-нибудь назовет меня порицателем всего того, что не наше. – Это была бы излишняя благосклонность ко всему своему, что также никуда не годится. Всякое пристрастие ведет к заблуждению, а я не знаю, что было бы хуже, следовательно вреднее заблуждения, подкрепленного упрямством. Описывая жизнь человека в многообразных отношениях, не мог я не показать и таких картин, которые заставят пожилых богомолов и богомолок хотя притворно застыдиться. Может быть, то же действие будет и над молодыми; но пусть молодые, почувствовав низость порока чужого, краснеют, не быв еще подвержены оному сами, нежели краснеть в летах по сделании, и когда уже будет мало случаев и сил ему противиться. Я вывел на показ русским людям русского же человека, считая, что гораздо сходнее принимать участие в делах земляка, нежели иноземца. – Почему Лесаж не мог того сделать, всякий догадается. За несколько десятков лет и у нас нельзя бы отважиться описывать беспристрастно наши нравы. Сколько достало во мне дарования и опытности, употребил все, чтобы угодить некоторым из читателей, именно тем, кои прямо разумеют отличить настоящее приятное и полезное от общих им сословий и, следовательно, стоят того, чтобы